

Независимая газета

Дилеммы и страдания либералов

Единственно правильного ответа на вопрос, можно ли стороннику демократии сотрудничать с авторитарной властью, не существует
2008-03-28 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Российская власть периодически посылает российским либералам разные сигналы, говорящие о том, что если к безответственным, подрывным элементам вроде «шакалящих по иностранным посольствам» и организующих разные демонстрации Касьянова и Каспарова она сурова, то ответственных либералов уважает и ценит.

Путин сделал уполномоченным по правам человека Лукина, второго лидера «Яблока» (партии, утверждающей, что наш политический строй по сути своей не правовой), что означало очень высокую степень доверия и одновременно продемонстрировало всем, что, хотя наш действующий президент и полковник КГБ-ФСБ, правовые и демократические идеалы яблочников ему отнюдь не чужды. Потом и Явлинский был вызван Путиным, и они долго о чем-то секретном беседовали (наверное, в основном о развитии гражданского общества). СПС и сигналов не нужно – у него есть Чубайс. В Общественную палату были включены ряд известных либералов, включая самого главного нашего либерала Ясина, и они там заседают вместе с Аллой Пугачевой, кремлевскими политологами-пропагандистами и представителями духовенства. Со сменой далекого от либералов по своему социальному генезису Путина социально близким Медведевым можно ожидать, что привлечение либералов к власти усилится.

Говорить обо всем этом, не впадая в ернический щедринский тон и не вспоминая «Современной идиллии» и «Истории одного города», практически невозможно. Тем не менее за этим стоят очень серьезные вопросы развития нашей страны, требующие серьезной же попытки ответа.

Сильные маргиналы

Прежде всего – для чего нужны власти яблочники и эспээсовцы? Почему власть сначала борется с этими партиями, правдой и неправдой забирая у них голоса в пользу своей «Единой России» и специально созданных для этого конкурентов-«манекенов», а затем, когда либералы не преодолели электорального барьера и близки к полной маргинализации, привлекает их лидеров?

Во-первых, власть понимает (или чувствует), что сила либералов – неизмеримо больше их электоральных достижений. Либералы выражают настроения не такого уж большого, но социально очень значимого образованного и относительно обеспеченного слоя, сосредоточенного прежде всего в столицах. Полная потеря лояльности этого слоя, как это показала история падения советской власти, не может быть компенсирована традиционалистской лояльностью широких слоев народа в провинциях. Этот слой был основной силой, осуществившей революцию 1991 года, и в начале постсоветского периода являлся основной опорой

власти. Становление режима безальтернативных президентов привело к его деморализации, утрате им политической активности и – в последние годы – к стремительно растущему отчуждению от власти, что заметно даже в электоральной статистике. Но, как и в конце советского периода, за этим пассивным отчуждением должна следовать новая активизация и «революционаризация». И власть правильно боится этого процесса и стремится остановить его, привлекая авторитетные в этом слое либеральные фигуры.

Во-вторых, в сложной и противоречивой конструкции идеологии нашей власти есть имманентная ей «либеральная» и «демократическая» составляющая. Никакой идеологии, которая была бы альтернативой демократии, у власти нет, и ей необходимо не только для Запада и для либеральных кругов в России, но и для самой себя представлять дело так, что наш строй – может быть, своеобразная и несовершенная, но постепенно совершенствующаяся европейская демократия. И назначение Лукина, беседы с Явлинским, включение либералов в Общественную палату и т.д. – это что-то вроде психологически нужных власти доказательств ее «прогрессивности», «европейскости», «демократичности», как Екатерине Великой нужна была не столько для «просвещенного дворянства» и уж тем более не для народа, а для самой себя, для самоуважения, переписка с Дидро.

Дело житейское?

Но для чего сближение с властью нужно либералам? Самое простое и очевидное объяснение – жить-то надо. Пройти в парламент не удалось. Остается – или просто переходить в «неодиссиденты», в «Другую Россию», со всеми опасными и неприятными последствиями, или уходить из общественной жизни и «погружаться в Лету», или идти к власти. Естественно, эти дилеммы сопровождаются душевными терзаниями, в целом теми же, что у щедринских героев и что у советских интеллигентов, мучающихся вопросами типа: вступать или не вступать в КПСС, выступать или не выступать с осуждением чего-нибудь вроде «израильской агрессии», подписывать или нет какое-нибудь письмо в поддержку арестованных диссидентов.

Либералы, склоняющиеся к сотрудничеству с властью, конечно, ищут для этого идеологических обоснований. Обоснования эти – тоже отнюдь не новые. «Такая уж у нас страна». «Такое уж у нас время». «Ясно, что к демократии наш народ еще не готов». «Дело ведь не только во мне, у меня – важная и любимая работа, и я отвечаю за людей, которыми руковожу» (вариант: «есть партия, люди, которые мне доверились»). «Нельзя же отрицать, что страна все-таки развивается, идет вперед, и нельзя просто все критиковать и ничего не делать». «Наверху – тоже очень разные люди, и я могу помочь прогрессивным людям во власти (при дворе, в ЦК, в президентской администрации) в их борьбе с реакционерами». И т.д. и т.п. Происходят революции, меняются официальные идеологии и даже социально-экономические системы, но структуры отношений либералов и власти, мотивация и аргументация сотрудничающих с властью либералов в России – очень стабильны.

Психологическая функция подобных аргументов – очевидна. Ясно, что, когда человек совершает выбор между «конструктивной» позицией, гарантирующей спокойную и хорошую жизнь, и позицией «неконструктивной», гарантирующей всякие беды, «житейские» мотивы не влияют на его выбор и на его рассуждения не могут. И в аргументах в пользу сотрудничества не может не присутствовать элемент самооправдания, камуфлирования морального компромисса. Но здесь есть очень легкая возможность впасть в распространенную ошибку. Указание на психологическую мотивацию каких-то утверждений не заменяет необходимость рассмотрения их по существу. Если в мотивах либерала, говорящего, что он хочет принести практическую пользу, помогая власти в реформах, что народ к демократии еще не готов, что наверху – разные люди и он намерен помочь либеральным элементам во власти и т.д., неизбежно присутствует и желание приличной зарплаты и спокойной жизни, это еще не значит, что он действительно не может принести пользу, помогая в реформах, что народ к демократии готов и что наверху все одинаковы.

Если бы на месте Горбачева были мы

Главный вопрос – не вопрос о мотивах власти, привлекающей либералов к сотрудничеству, и не вопрос о мотивах идущих на это сотрудничество либералов, а о том, может ли это сотрудничество способствовать переходу России к демократии, или, наоборот, оно лишь способствует камуфлированию авторитарной сущности теперешней политической системы, укрепляет «прогнивший авторитарный режим». И именно на этот вопрос ответить труднее всего.

Для этого мы слишком смутно представляем себе наши социально-политические процессы. Даже по отношению к прошлому ответить на вопросы, что следовало бы делать в той или иной кризисной ситуации людям, стремящимся к модернизации и демократизации России, зачастую очень трудно. (Что бы мы, вооруженные нашим опытом, посоветовали декабристам – лучше подготовить заговор и постараться арестовать или убить Николая, или вообще не восставать, а вести «масонскую» либеральную работу, подталкивая власть к реформам? Мы знаем, к чему привели падение монархии и демократическая революция в феврале 1917-го, но значит ли это, что мы бы посоветовали либералам 1917 года все свои силы направить на сохранение монархии? Нужно ли было Горбачеву спешить с демократическими реформами – или, наоборот, вводить их более осторожно и постепенно?) Тем более трудно ответить на такие вопросы по отношению к будущему. Когда произойдет третья попытка перехода России к демократии, в какой форме она произойдет и будет ли она, в отличие от двух предшествующих, последней и успешной – сказать не может никто. Движение вперед, к демократии, может быть лишь движением в тумане, на ощупь. Любые стратегии этого движения неизбежно сомнительны и могут быть оспорены.

Тем не менее некоторый исторический опыт и понимание процессов у нас есть, и «приблизительный» ответ на вопрос о целесообразности сотрудничества с властью для дальнейшего перехода к демократии дать можно.

Две стороны одного процесса

Ясно, что две предшествующие (неудачные) попытки перехода к демократии были результатом действий как «размягчавших» авторитарные режимы «системных» либералов, так и «внесистемных» революционеров и диссидентов, бросавших этим режимам вызов. Подготовка этих попыток была единым процессом, в котором участвовали как революционеры, так и постепенно внедрявшие в сознание власти и общества мысль о конституции царские чиновники и либеральные профессора; как Сахаров и Солженицын, так и советские либералы из «международного отдела ЦК КПСС» и вполне легальные, получавшие различные премии писатели и режиссеры. И те, и другие – необходимы для подготовки попытки и нужны друг другу. И в подготовке следующей попытки также неизбежно будут участвовать и участвуют самые разные силы – от членов Общественной палаты до лимоновцев.

Ясно, что теперешняя «имитационная демократия» значительно ближе к реальной демократии, чем царское самодержавие и советская система. Для перехода к реальной демократии даже не надо менять конституцию (потом, конечно, менять ее все равно придется). Нужно лишь начать ее соблюдать и перейти к предусмотренным ею реальным альтернативным выборам. Поэтому элемент «внесистемного» действия в подготовке этой попытки может быть не так уж велик. И тем не менее переход от имитационной к реальной демократии, который неотделим от первого избрания не того, кто уже во власти (это – недостаточный, но совершенно необходимый первый шаг) или кто им назначен в преемники, по сути своей не может быть действием власти, не может быть «реформой». Он не может произойти без борьбы с властью, без мобилизации массового протеста, без какого-то российского аналога «майдана». Никакие либеральные реформы не могут избавить нас от необходимости сделать в будущем этот шаг и не могут его заменить. Но они могут облегчить его и способствовать тому, что он не окажется очередным провалом.

Чем более развивается общество, чем дольше сохраняются и входят в привычку демократические завоевания горбачевской и раннеельцинской эпох, тем больше шансов, что будущий кризис приведет к устойчивой демократии. Чем больше правовых и конституционных элементов в нашей жизни, тем больше шансов, что этот кризис окажется «мягким», не катастрофическим, – а это опять-таки очень важно для того, чтобы посткризисная демократия не оказалась очередным «переходным периодом» между двумя авторитаризмами.

Относительно длительный период горбачевских либеральных реформ не был причиной падения советской власти (она пала бы раньше или позже, в той или иной форме в любом случае). Но они были причиной того, что падение это было относительно «мягким» и Россия ближе всего за свою историю подошла к порогу, за которым начинается реальная демократия. Исторический момент нашего наибольшего приближения к демократии – это первые выборы президента России и победа Ельцина над кандидатом власти Рыжковым. Но в этой победе решимость Горбачева и его окружения не превращать выборы в фикцию значила ничуть не меньше, чем мобилизация протестного электората Ельциным и его соратниками.

Рецепты невозможны

Наличие в идеологии нашей власти либерального и демократического компонента, наличие Конституции, в рамках которой переход к демократии возможен, наконец, выгоды от мирной и конституционной первой ротации, возможные для проигравших, которые могут перейти в оппозицию (что неприятно, но не ужасно), – все это говорит о том, что либерализация власти, легальное и системное сопротивление ее тенденциям сползания к чисто диктаторскому репрессивному режиму, усиление в ее идеологии либеральных элементов, а в ее практике – правовых и конституционных ограничений – недостаточная для будущего перехода к реальной демократии, но вполне правильная и необходимая стратегия.

Для мирного и успешного перехода к демократии необходимо взаимодействие разных сил – как «системных» либералов, так и «внесистемных» сил; как кабинетов, так и улицы. И кто какую роль при этом выбирает себе – чисто индивидуальное дело, где не может быть никаких рецептов. Представим себе на минуту, что Горбачев и его будущие соратники в какой-то трудный момент решили бы «жить не по лжи» и в результате были бы исключены из партии, – было бы это лучше для России? Моральные компромиссы – необходимы, и представление о моральной ущербности компромиссных либералов и моральной чистоте революционеров, диссидентов и нынешних неодицидентов – совершенно ложно. Отказ от компромисса с властью очень часто служит своего рода моральной индульгенцией, и мирки «бескомпромиссных» превращаются в клоаки. Если щедринские либералы вызывают смех (и сочувствие), то ведь бесы Достоевского вызывают страх. И достаточно прочесть мемуары Вадима Белоцерковского, чтобы ужаснуться нравам мирка диссидентской эмиграции с его доносами, подсиживанием, интригами и бесконечными обвинениями друг друга в тайном сотрудничестве с КГБ, нравам, по-моему, худшим, чем нравы какого-нибудь советского НИИ, состоявшего сплошь из либералов «применительно к подлости». И вряд ли сейчас в моральном отношении мирок «Другой России» так уж лучше либеральных мирков или даже мирка Общественной палаты.

Сотрудничество либералов и демократов с авторитарной властью – нормальная личная, жизненная и нормальная политическая стратегия. Единственное, что нужно при этом, как я думаю, – это понимание того, что компромисс есть компромисс, что переход к реальной демократии – это объективная задача и что либеральные реформы могут ему способствовать, но не могут его заменить. Можно и нужно идти на компромиссы, и можно и нужно мучиться из-за них. Можно сотрудничать с властью – не все же она делает плохое. Теоретически в каких-то ситуациях можно даже наврать и сказать, что она – демократическая. Единственное, что нельзя, – это так думать. Компромисс не должен становиться самообманом.